

Г.Т. Каженова¹

**ПЕРВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОВЕТИЗАЦИИ
В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ: ПРИНУЖДЕНИЕ И ФОРМЫ
ОТВЕТА КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА (1920–1921 ГГ.)***

Аннотация. Статья исследует процесс советизации Казахстана в 1920–1921 гг., ключевым инструментом которого стали революционные комитеты (ревкомы) – чрезвычайные органы, наделенные диктаторскими полномочиями. Автор показывает, что власть ревкомов устанавливалась силой оружия и характеризовалась внешней имплантацией, слабой кадровой базой и концентрацией военно-административных, карательных и хозяйственных функций. Центральное место в анализе занимает политика продразверстки, которая, будучи перенесена на кочевые районы без учета их специфики, привела к тотальному изъятию скота, разрушила традиционные экономические связи и стала катализатором массового голода. В ответ на принуждение казахское общество демонстрировало широкий спектр сопротивления – от пассивных форм (откочевка, сокрытие скота) до открытого вооруженного восстания. Делается вывод, что опыт 1920–1921 гг. заложил модель отношений «центр – периферия», основанную на принуждении и игнорировании местных особенностей, что предопределило глубокий системный кризис и будущие трагедии в регионе.

Ключевые слова: советизация, революционные комитеты (ревкомы), продразверстка, Казахская степь, кочевое общество, сопротивление, продовольственная диктатура, насильственная модернизация.

G.T. Kazhenova²

**THE FIRST MECHANISMS OF SOVIETIZATION
IN THE KAZAKH STEPPE: COERCION AND FORMS
OF RESPONSE OF THE NOMADIC SOCIETY (1920–1921)**

Abstract. This article examines the Sovietization of Kazakhstan in 1920–1921, the key instrument of which were revolutionary committees (revkoms) –

¹ **Гульнар Тулегеновна Каженова**, канд. ист. наук, и.о. доцента, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан, e-mail: gkazhenova@mail.ru

² **Gulnar Tulegenovna Kazhenova**, Candidate of Historical Sciences, Acting Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: gkazhenova@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта АР26103039 «Казахское кочевое население Степного края в годы гражданского противостояния (1918–1921 гг.): стратегии выживания».

emergency bodies endowed with dictatorial powers. The author demonstrates that the power of the revkoms was established by force of arms and was characterized by external implantation, a weak personnel base, and a concentration of military-administrative, punitive, and economic functions. Central to the analysis is the policy of food requisitioning, which, when transferred to nomadic regions without regard for their specific characteristics, led to the total confiscation of livestock, destroyed traditional economic ties, and became a catalyst for mass famine. In response to coercion, Kazakh society demonstrated a wide range of resistance - from passive forms (nomadic migration, hiding livestock) to open armed rebellion. It is concluded that the experience of 1920–1921 laid the foundation for a model of “center-periphery” relations based on coercion and disregard for local peculiarities, which predetermined a deep systemic crisis and future tragedies in the region.

Keywords: Sovietization, revolutionary committees (revkoms), food tax, Kazakh steppe, nomadic society, resistance, food dictatorship, forced modernization.

Период 1920–1921 гг. стал ключевым этапом интеграции Казахстана в советскую государственность через создание революционных комитетов – чрезвычайных органов власти, осуществлявших советизацию до формирования системы Советов. Деятельность ревкомов и политика «продовольственной диктатуры» представляют собой наглядный пример столкновения этатистской модели управления с традиционным кочевым обществом, что породило специфические формы взаимодействия, сопротивления и адаптации.

Актуальность обращения к данному периоду определяется необходимостью выхода за рамки его традиционного рассмотрения – либо в контексте Гражданской войны, либо как предыстории коллективизации. Именно в 1920–1921 гг. были опробованы ключевые инструменты государственного принуждения, заложены институциональные предпосылки социально-экономического кризиса, завершившегося катастрофическим голодом 1921–1922 гг., и тогда же проявился весь спектр реакций кочевого общества на радикальное вмешательство государства в его традиционный уклад жизни.

Процесс советизации в казахской степи начался в условиях продолжающихся военных действий и установления контроля Красной армии над территорией региона. Наступавшие части, прежде всего 59-я дивизия 5-й армии под командованием М.Н. Тухачевского, осуществляли военно-гражданское управление на занятых территории-

ях и повсеместно создавали революционные комитеты (ревкомы) как временные органы советской власти. При этом волостные ревкомы нередко организовывались раньше уездных³, что свидетельствовало о стихийности и спешке в формировании административной структуры. Характерным примером служит создание Петропавловского уездного ревкома 31 октября 1919 г. «под гром еще не смолкнувшей артиллерийской дуэли», а также назначение ревкома в Кокчетаве политотделом 54-й дивизии 14 ноября 1919 г.⁴, что демонстрирует насильственный характер установления власти.

Ключевые посты в администрации занимали армейские политработники, как в Петропавловске, где штаб 5-й армии направил на руководящие должности Н.А. Маторина, В.Г. Барлебена и др.⁵ Организация Советов в казахских аулах также велась при прямом участии политработников, занимавшихся как формированием органов власти, так и пропагандой. Так, газета «Известия ВЦИК» от 7 октября 1919 г. отмечала политических сотрудников одной из армейских бригад, занимавшихся формированием советских органов в казахских аулах и одновременно ведших среди населения энергичную пропаганду советских принципов⁶. Этот факт подтверждает корректность описания процессов как внешней имплантации власти, в которой пропаганда выступала одним из инструментов системы принуждения.

Основной механизм установления контроля имел строго вертикальный характер и реализовывался через направленных инструкторов, как в Петропавловском уезде, где 20 инструкторов за декабрь 1919 – февраль 1920 гг. организовали создание волостных и сельских ревкомов. Формальная легитимация власти через многочасовые собрания и «выборы» фактически контролировалась сверху.

Острую проблему представлял катастрофический кадровый дефицит. Доклады с мест пестрили жалобами о невозможности найти грамотных руководителей, особенно среди казахского населения. Из

³ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 247. Л. 21.

⁴ Государственный архив Акмолинской области (ГААО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 68. Л. 168.

⁵ Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. Алматы, 1993. С. 147.

⁶ Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917–1920 гг.): Документы и материалы. Алма-Ата, 1971. С. 117.

Акмолинского уезда сообщали об отсутствии «опытных партийных товарищей в местной мусульманской секции» для работы с казахским населением⁷.

Эта проблема осознавалась на всех уровнях власти. Уже 6 января 1920 г. на организационном заседании Семипалатинское губбюро РКП(б) включило в план работ пункт о «создании кадров работников, могущих вести ответственную работу в области»⁸. Острый дефицит специалистов вынуждал к экстренным мерам – организации краткосрочных агитационных курсов для подготовки инструкторов, что практиковал, в частности, Семипалатинский облревком⁹. Таким образом, системный кадровый кризис и трудности с поиском местных руководителей свидетельствовали о слабости социальной базы власти.

Краеугольным камнем советизации региона стало принятие «Временного положения о революционном комитете по управлению Киргизским краем» 10 июля 1919 г. Этот документ учреждал Кирревком как высший чрезвычайный орган власти с диктаторскими полномочиями, полностью назначаемый центром и представлявший собой «импортированный» институт, задачей которого было подавление сопротивления и внедрение новых порядков. Его временный статус («впредь до созыва всеобщего киргизского съезда») делал Кирревком инструментом форсированной модернизации, призванным обеспечить контроль центра до создания хоть сколько-нибудь легитимных выборных органов власти¹⁰.

Кирревком концентрировал всю полноту военно-гражданской власти, выступая одновременно как административный и законодательный орган. Все местные советы и исполкомы находились в его прямом подчинении, а комплектование Кирревкома в составе семи членов осуществлялось исключительно центральными органами власти РСФСР, что подчеркивало «имплантированный», а не выборный характер, и создавало устойчивую проблему легитимности в глазах местного населения¹¹. Основными задачами являлась коор-

⁷ ГИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 9. Л. 39.

⁸ Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО). Ф. 2-п. Оп. 1. Д. 19-а. Л. 1.

⁹ Советы и ревкомы в Казахстане... С. 145.

¹⁰ Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем, 1919–1920 гг.: сборник документов. Алматы, 1993. С. 14.

¹¹ Там же.

динация советских органов на местах, реализация декретов центра с учетом региональной специфики, подготовка проекта автономии и организация созыва учредительного съезда, меры по хозяйственно-культурному развитию края¹².

Важной составляющей власти ревкомов были карательные функции. Для контроля над населением создавались силовые структуры, однако их формирование сталкивалось с кадровыми проблемами. Так, из Акмолинского уезда писали, что «для обслуживания киргизских волостей необходимо создать курсы для подготовки киргиз на должность милиционеров», так как русские милиционеры «не обладают киргизским языком»¹³. Карательный характер режима проявлялся в преследовании за «ложные слухи» – под этим предлогом наказывалась любая критика власти¹⁴.

Несмотря на жесткую централизацию, советская власть пыталась учитывать местную специфику через создание двухсекционных исполкомов – русской и киргизской (казахской) секций, каждая из которых решала вопросы, относящиеся к своей этнической группе¹⁵. В сфере земельных отношений за казахским населением признавалось право на традиционно занимаемые земли, а их распределение должно было осуществляться согласно обычаям через аульные и волостные съезды Советов. Эта значительная уступка, учитывавшая численное преобладание казахского населения, была направлена на снижение социальной напряженности. Аналогичный подход применялся в судебной сфере: земельные споры разрешались на основе обычного права через съезды и третейские суды, а уголовные и гражданские дела между казахами, кроме подсудных ревтрибуналу, рассматривались в народном суде «по существу дела по обычному праву»¹⁶.

Таким образом, «Временное положение» демонстрировало своеобразный синтез советских принципов государственного строительства и элементов казахского адата. Такой гибкий подход позволял центральной власти одновременно укреплять свои позиции и

¹² Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем... С. 15.

¹³ ГИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 9. Л. 34 об.

¹⁴ Государственный архив Северо-Казахстанской области (ГАСКО). Ф. 1482. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

¹⁵ Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем... С. 15.

¹⁶ Там же. С. 16–17.

снижать потенциал сопротивления через учет традиционных правовых норм. Заложенные в документе механизмы – признание ада-та, традиционного землепользования и курс на формальную автономию – представляли собой не просто жест доброй воли, а тонкий стратегический расчет.

Политика Кирревкома демонстрировала характерный для большевиков дуализм, сочетавший силовое давление с тактическими уступками. Интеграция отдельных элементов традиционного уклада в новую административно-правовую систему позволяла снизить риски массового сопротивления, легитимировать власть в глазах местного населения и привлечь национальную интеллигенцию, ориентированную на идею автономии. Однако все уступки имели строго очерченные рамки и находились под жестким контролем центра. Верховная власть принадлежала назначенному Москвой Кирревкому, а перспектива автономии реализовывалась исключительно в пределах советской властной вертикали. Таким образом, тактические уступки служили инструментом подготовки почвы для долгосрочной стратегии – постепенного закрепления власти центра и последующей унификации правового и политического пространства.

Революционные комитеты взяли под свой контроль не только военно-административные и силовые, но и хозяйственные функции, что значительно расширяло пределы их компетенции и усиливало роль в процессе советизации региона. После своего учреждения они немедленно приступали к учету, изъятию и перераспределению материальных ресурсов, фактически выступая в роли местных органов продовольственной диктатуры. Характерным примером служит деятельность Кокчетавского уездного ревкома, который сразу же после его создания взял на учет 6000 пудов хлеба и 400 кож¹⁷. Слабая связь с центром, на которую указывали в том же докладе из Кокчетавы, усугубляла произвол и превращала ревкомы в фактически неконтролируемые органы местной власти, действовавшие в рамках чрезвычайного режима.

Продовольственная политика советской власти, основанная на конфискационном принципе, имела разрушительные последствия для всего населения Степного края. Ярким примером этого стала

¹⁷ ГААО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 68. Л. 168.

продразверстка 1920 г. в Петропавловском уезде – одном из самых хлебных уездов региона. Омский центр установил план поставки в 4,7 млн пудов хлеба¹⁸, который был заведомо нереальным, поскольку определялся не фактическими возможностями крестьянских хозяйств, а потребностями армии и городского населения. Расчет делался на то, что у сибирского крестьянства сохранился хлеб прошлых лет. Однако урожай 1920 г. был крайне низким, а запасы предыдущих лет изъяты колчаковцами. Несмотря на это, применялись жесткие принудительные меры: организация лагерей принудительных работ и тотальное изъятие хлеба «под метлу». Как сообщал член Петропавловского уисполкома: «Взято все, что можно... мы не поддавались слезам и уверениям населения о том, что у них нет хлеба»¹⁹.

Естественной реакцией крестьян стало пассивное сопротивление: сокращение посевных площадей и отказ сдавать хлеб. Власти же квалифицировали эти действия как «саботаж» и «враждебную агитацию», что вело к дальнейшему ужесточению репрессивной политики. Омский губпродкомиссар отмечал: «Хлеб почти не сдавался кулаками... Крестьян призывали сокращать площади сева. Легковерные так и сделали»²⁰. Таким образом, конфискационная политика порождала порочный круг: насильственное изъятие вызывало сопротивление, которое, в свою очередь, использовалось для оправдания новых репрессий.

Продразверстка подрывала не только крестьянские хозяйства, но и разрушала традиционные механизмы товарообмена, жизненно важные для казахских кочевников. Лишившись возможности обменивать скот на зерно и промышленные товары, кочевое население столкнулось с реальной угрозой голода. Государственная торговая монополия заблокировала доступ к основным товарам – хлебу, мануфактуре, металлическим изделиям и соли. Насильственный разрыв вековых экономических связей между оседлым и кочевым населением разрушал сложившуюся систему взаимозависимости, что имело катастрофические последствия для всего региона.

Особенно тяжелым испытанием для степных районов стало введение мясной разверстки, которая проводилась параллельно с хлеб-

¹⁸ Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края... С. 150–151.

¹⁹ ГАСКО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 24. Л. 11–13.

²⁰ Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края... С. 150.

ной. Установленные планы по изъятию скота, распространявшиеся также на шкуры, конский волос, рога и копыта, базировались на логике оседлого земледельческого хозяйства и полностью игнорировали цикличность и специфику кочевого скотоводства. Это вступало в прямое противоречие с традиционной системой жизнеобеспечения казахского аула, где скот не был товарным излишком, а представлял собой основное и зачастую единственное средство выживания, что делало продразверстку инструментом разрушения этой хрупкой экосистемы.

Организацией сбора скота в уездах и волостях губернии для дальнейшей отправки в центры снабжения Советской России занимались экспедиции Губзаготселя (губернского отдела заготовок сельхозпродуктов, подчиненного продовольственным органам (Губпродкомиссариату)). Местные органы власти в лице уездных, волостных ревкомов были обязаны оказывать им всемерную помощь. Для обеспечения выполнения масштабной разверстки, наложенной на Сибирь весной 1920 г. в размере 6207 тыс. пудов мяса²¹, вводились жесткие административные меры. Запрещался забой скота для продажи, а для убоя в личных целях требовалось специальное разрешение волисполкома; его отсутствие приравнивалось к нарушению продовольственных распоряжений, влекло конфискацию скота и привлечение владельца к ответственности в Революционном трибунале²².

В результате принудительных мер масштабы изъятий в степных районах приняли катастрофический характер. Так, в 1920 г. у казахского населения Кокчетавского уезда было изъято около 39 тыс. голов крупного рогатого скота (КРС) и 20 тыс. баранов, в Атбасарском уезде – 34 тыс. КРС и свыше 50 тыс. баранов, в Акмолинском уезде – 18,6 тыс. КРС и более 95 тыс. баранов. Только в Пресногорьковской волости Петропавловского уезда заготовительные отряды конфисковали 20 тыс. голов КРС и 29 тыс. баранов²³. Анализ статистических данных показывает, что в 1920–1921 гг. численность всех видов животных в Сибири, за исключением лошадей, сокращалась примерно в том же объеме, в каком производилось изъятие по развер-

²¹ Сибирская Вандея. Документы: в 2 т. М., 2001. Т. 2: 1920–1921. С. 141.

²² Советская Сибирь. 1920. 11 дек.

²³ Советская Сибирь. 1921. 19 апр.

стке²⁴. Таким образом, продовольственная политика де-факто вела к массовому уничтожению животноводческого фонда и подрыву экономических основ кочевого хозяйства.

В ответ на насильственные меры местное казахское население прибегало преимущественно к пассивным формам сопротивления. Как сообщал начальник одной из заготовительных экспедиций в Атбасарский уезд: «Скот собрать с южно-киргизских волостей не представляется возможным. Киргизы откочевывают на юг к реке Чу»²⁵. В другом донесении тот же руководитель требовал немедленной военной поддержки: «Срочно выслать продотряд в Атбасар из 500 красноармейцев для постановки на границе с Тургаем заградотрядов...»²⁶. Эти документы свидетельствуют, что население применяло традиционные для кочевого образа жизни формы ухода от принуждения – откочевку, увод скота на дальние пастбища. Для властей это было «уклонением от продразверстки», однако в действительности являлось естественной формой самосохранения общества, стремившегося избежать насильственного изъятия средств к существованию.

Непомерно высокий объем разверстки, сопряженная с ней гужевая повинность и произвол продотрядов в конечном итоге спровоцировали переход от пассивного сопротивления к активному, вылившемуся в начале 1921 г. в жестокое и кровопролитное восстание. В конце 1920 – начале 1921 г. очаги крестьянских восстаний вспыхнули на территории Западной Сибири, а в феврале они распространились на Петропавловский и Кокчетавский уезды Акмолинской губернии, приняв массовый характер. О нем Чрезвычайный уполномоченный Сибревкома Е.В. Полюдов докладывал: «Самое же движение считаю серьезным. В него втянуто все казачество, до половины крестьянства и часть киргиз»²⁷.

Примечательно, что в некоторых боевых группах преобладала казахская беднота. Если Полюдов объяснял это тем, что киргизское население было неграмотным, «кроме богатых, и проводить воспитательную работу было почти невозможно, а переводчиков среди русского местного населения было мало», то истинные причины

²⁴ Рышков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 141.

²⁵ ГИАОО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 161. Л. 72.

²⁶ Там же. Л. 68–68а.

²⁷ ГААО. Ф. 55/09. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

вскрыл председатель Кокчетавской ревтройки Т.Ф. Розенбах: «По всем признакам, повстанцы стараются разжечь восстание среди киргизов. Почва для этого благоприятна... какое значение я придавал... невыдаче киргизам мануфактуры и хлеба. Теперь это сказывается – киргизы уже убивают в аулах отдельных красноармейцев»²⁸. Таким образом, корень протеста крылся не в подстрекательстве, а в самой политике, лишившей людей средств к существованию. Восстание было в конечном итоге подавлено с крайней жестокостью.

Политика продразверстки, проводимая ревкомками, стала одним из наиболее разрушительных факторов для традиционного кочевого хозяйства Казахстана, продемонстрировав полное непонимание советской властью местной экономической специфики. На практике она вылилась в тотальную конфискацию, подрывавшую не только зажиточные, но и середняцкие хозяйства, что вело к обнищанию и маргинализации основной массы аульного населения. Под лозунгами социальной справедливости проводилась политика, лишавшая кочевое сообщество экономической основы и устойчивости.

Жесткое изъятие продовольствия зимой 1920–1921 гг. и весной 1921 г. стало непосредственным фактором, спровоцировавшим массовый голод, катастрофические масштабы которого были усугублены сильной засухой. Это наглядно демонстрирует, как политическое решение, игнорирующее местную специфику, не только не решает задачи мобилизации ресурсов, но и многократно усиливает разрушительные последствия стихийного бедствия, окончательно подрывая хозяйство.

Таким образом, продразверстка спровоцировала комплекс скрытых и открытых форм сопротивления, выявив глубокий кризис доверия к советской власти в степи. Ревкомы в этом контексте выступали не как органы интеграции или самоуправления, а как проводники жесткой модернизации сверху, действовавшие методами принуждения и реквизиций. Их институциональная чуждость традиционному укладу, сочетание всех властных функций и кадровая слабость не только дискредитировали новую власть, но и заложили основу для грядущих социально-экономических катастроф, самой

²⁸ ГААО. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

масштабной из которых стал голод начала 1920-х гг. Проведенный анализ позволяет заключить, что механизмы советизации в казахской степи в 1920–1921 гг. формировались в условиях чрезвычайного режима и имели преимущественно принудительный характер. Революционные комитеты, выступавшие основными проводниками власти, представляли собой имплантированные извне органы, действовавшие в тесной связке с военными структурами. Их деятельность сочетала функции политического контроля, мобилизации ресурсов и подавления сопротивления, что фактически превращало их в инструменты насильственной модернизации.

Продразверстка, ставшая главным инструментом продовольственной политики, была перенесена на кочевые районы без учета специфики их хозяйственного цикла и структуры потребления. Требования по изъятию скота, основанные на логике оседлого земледелия, вступали в прямое противоречие с кочевым образом жизни. В результате произошла дезинтеграция традиционной экономической системы, разрушение обменных связей между оседлыми и кочевыми хозяйствами, массовое обнищание и сокращение поголовья скота – ключевого ресурса выживания казахского аула.

Реакцией кочевого населения на принуждение стал широкий спектр форм сопротивления – от пассивных, таких как откочевки, сокрытие скота и уклонение от повинностей, до открытых вооруженных выступлений. Наиболее распространенной оказалась уклончивая тактика выживания, включавшая увод животных в отдаленные районы. Подобные методы позволяли избежать прямых столкновений с карательными отрядами и сохранить минимально необходимые для существования хозяйства ресурсы. Эти действия отражали не столько осознанную политическую оппозицию, сколько отчаянную попытку защитить традиционный уклад и обеспечить физическое выживание в условиях разрушительного экономического давления.

Таким образом, политика советизации, проводимая через систему ревкомов и продовольственную диктатуру, закрепила модель отношений «центр – периферия», основанную на насилии, реквизициях и игнорировании местной специфики. Эта модель подорвала доверие к власти и заложила предпосылки последующих социальных катастроф, наиболее трагической из которых стал голод 1921–1922 гг.

Литература

Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. 244 с.

Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем (1919–1920 гг.) / сост. А.В. Бучнева. Алматы: Гылым, 1993. 277 с.

Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. Алматы: Казахстан, 1993. 392 с.

Сибирская Вандея. Документы: в 2 т. / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Шишкин. М.: МФ «Демократия», 2001. Т. 2: 1920–1921. 776 с.

Советы и ревкомы в Казахстане (Октябрь 1917–1920 гг.) : Документы и материалы / сост. П.А. Абдуллина, С.С. Бейсенов, Ф.Н. Киреев. Алма-Ата: Казахстан, 1971. 224 с.

References

Abdullina, P.A., Beysenov, S.S., Kireev, F.N. (Comp.). (1971). *Sovety i revkomy v Kazahstane (Oktyabr' 1917–1920 gg.): Dokumenty i materialy* [Soviets and Revolutionary Committees in Kazakhstan (October 1917–1920): Documents and Materials]. Alma-Ata, Kazakhstan. 224 p.

Buchneva, A.V. (Comp.). (1993). *Protokoly Revolyutsionnogo komiteta po upravleniyu Kazahskim kraem (1919–1920 gg.)* [Protocols of the Revolutionary Committee for the Administration of the Kazakh Region (1919–1920)]. Almaty, Gylm. 277 p.

Rynkov, V.M., Ilyinykh, V.A. (2013). *Desyatiletie potryaseniy: sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1914–1924 gg.* [Decade of Upheavals: Agriculture in Siberia in 1914–1924]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 244 p.

(1993). *Severo-Kazahstanskaya oblast': stranitsy letopisi rodnogo kraya* [North Kazakhstan Region: Pages of the Native Land Chronicle]. Almaty, Kazakhstan. 392 p.

Shishkin, V.I. (Comp.). (2001). *Sibirskaya Vandeya. Dokumenty* [The Siberian Vendée. Documents]. In 2 vols. Vol. 2: 1920–1921. Moscow, MF “Demokratiya”. 776 p.